
НАУЧНЫЕ
ОБСУЖДЕНИЯ

ЗАГАДКИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И ПОЛИТИКИ ЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ*

© 2007 г. В. Н. Лившиц

(Москва)

*То, что проповедуют рыночные фундаменталисты
в учебниках так называемой “экономикс”,
представляет собой свехупроценную версию
рыночной экономики, игнорирующую динамику перемен.*

Джозеф Стиглиц

Исследуется роль государства как регулятора нестационарной переходной российской экономики. Вводятся понятия экономических политик сильного и слабого государства, у которых существенно различается их целевая направленность: в рамках “сильного” государства предполагается “de facto” приоритетная ориентация его экономической политики на интересы основной массы населения, в рамках “слабого” – на интересы относительно небольшой группы “избранных”. Утверждается, что в период радикальных реформ, особенно в 1990-е годы, фактически явно проводилась политика “слабого” государства. Анализируются причины реализации такой политики и мероприятия, необходимые для перехода к экономически “сильному” государству.

Нередко (и не только среди экономистов или социологов) приходится слышать, что наша современная жизнь, особенно в столице, напоминает явление аномальное, своеобразный нефтегазовый “пир во время чумы”. Действительно, нетрудно встретить утверждения (со ссылкой на центральные газеты и ставший у нас достаточно популярным журнал “Forbs”), что по числу миллиардеров в одном городе Москва уже вышла на второе (после Нью-Йорка) место в мире и в то же время в столице более миллиона человек имеют доходы, недостаточные даже для весьма скромной жизни. Да и по стране в целом картина похожая – наш Центральный банк вошел в тройку самых богатых в мире (его золотовалютные резервы уже сейчас, в сентябре 2006 г., превысили 260 млрд. долл. США, впереди только ЦБ Японии и Китая), в закромах различных фондов, в том числе государственных, можно немало наскрести по сусекам (только в стабилизационном фонде России скопилось примерно 2 трлн. руб. (Коммерсант “Деньги”, 2006, с. 47) и он тоже растет как на дрожжах, немало средств и в других “копилках” – инвестиционном и прочих разных фондах). Вместе с тем по официальным данным (Госкомстата РФ и др.) в стране проживают не менее 20 млн. бедных россиян с доходами ниже прожиточного минимума, причем не американского или английского, а нашего российского, фактически нищенского прожиточного минимума. И пока нет оснований полагать, что их число скоро резко снизится в абсолютном и относительном исчислении (табл. 1).

К тому же дифференциация доходов населения зашкалила все разумные пределы – по профессиональным оценкам руководителей ИСЭПН РАН (Института социально-экономических проблем народонаселения) в последние годы в России после введения уникальной плоской шкалы налогообложения доходов физических лиц “разрыв в доходах 10% высоко- и 10% малообеспеченных увеличился с 14 до 17 раз” (Римашевская, 2005). Что же касается столицы нашей Родины, то “в Москве доходы 10% наиболее обеспеченного населения превышают доходы 10% наименее обеспеченного населения в 39 раз, а в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах в 27–28 раз, причем во многих бедных регионах неравенство доходов больше, чем в этих округах” (Шевяков, 2005).

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант ОФИ, проект 06-06-08010).

Текст статьи написан на основе доклада автора “О государственной экономической политике бедной богатой России”, прочитанного автором на Ученом совете ЦЭМИ РАН 15.05.06 г.

Настоящая статья поднимает проблемы, которые будут затронуты на заседании Круглого стола журнала “Экономика и математические методы” (апрель–май 2007 г.).

Таблица 1. Динамика бедности в России, %*

Население	1996	1999	2002	2003	2004
Бедное	38	49	39	40	37
Очень бедное	9	19	10	11	10

* *Источник:* по данным Аналитического центра Юрия Левады.

Все это прямое следствие пятнадцатилетних усилий по радикальному реформированию российской экономики, своеобразного государственного ее регулирования. Эти годы представляется удобным для рассмотрения разбить на два периода: первый – с начала 1990-х годов до 2000 г. и второй – с 2000 г. по настоящее время. Для первого периода характерно почти монотонное падение уровня основных макроэкономических показателей России – ВВП, объемов промышленного и сельскохозяйственного производства и др., значительный дефицит федерального бюджета, многомиллиардные внешние валютные заимствования, относительно низкие цены на продукцию российского экспорта и т.д. Во втором периоде все с точностью до наоборот, хотя последние 15 лет в стране фактически (с точностью до различий в “деталях”) проводится одна и та же, к тому же достаточно нерациональная либеральная государственная экономическая политика, существенно различающаяся по периодам не целевой направленностью, а конъюнктурным поведением, в основном определяемым параметрами внешнего экономического окружения (прежде всего ценами мирового рынка на экспортируемые российские энергоносители) и непосредственно связанным с ними социальным и финансовым благополучием/неблагополучием различных групп населения. А между тем в стране и в государственных финансах далеко не все благополучно.

Сегодня даже большинство либерально настроенных экономистов вынуждены признать, что в 1990-е годы в результате действий властных структур страна оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе, причем произошло это непосредственно при интенсивной реализации в нашей экономике самых что ни на есть рыночных реформ. Неблагодарная российская экономика явно не оценила их демократического изящества и бескорыстного благородства организаторов преобразований и вошла в кризис, о глубине которого можно судить по приведенной в официальных материалах Госкомстата РФ динамике значений ключевых макроэкономических, социальных и финансовых показателей России в течение рассматриваемого десятилетия. Согласно этим данным за 1990-е годы, в которые экономика большинства развитых стран Запада и благополучие их жителей довольно интенсивно росли, причем на инновационной основе, в России соответствующие изменения выглядели совсем иначе – ВВП страны, уровни промышленного, сельскохозяйственного производства и т.д. упали примерно вдвое, уровень реальных доходов населения упал примерно на треть, накопленные им в предыдущие годы сбережения сразу “съела” гиперинфляция, инвестиции в реальное производство сократились более чем в 4 раза, недопустимо выросли износ оборудования, аварийность и степень его устаревания и др. (табл. 2).

Показательно и сопоставление в конце этого периода, т.е. в 2000 г., состояния экономики России и экономик различных стран – из них следует, что Россия в дореформенный период, т.е. в 1990 г., уверенно входившая по производственному потенциалу и объему национального дохода в первую пятерку наиболее развитых стран мира, спустя десятилетие реформ сместилась в конец второго десятка.

Положение несколько “исправилось” во втором периоде: начиная с 2000 г., когда ВВП стал довольно быстро расти (среднегодовые темпы его роста выше 6%, прирост производственных инвестиций составил около 10% в год и др.), а не падать, как раньше, дефицит бюджета сменился большим профицитом (в 2005 г. он был более 1.5 трлн. руб., в 2006 и 2007 г. согласно параметрам федеральных бюджетов РФ он составит соответственно 1.9 и 1.5 трлн. руб.), положительную динамику имеют и реальные доходы населения, при этом инфляция потребительских цен, хотя и все еще высока, но значительно снизилась и т.д. “Разобралось” государство и с огромным, достигавшим почти 200 млрд. долл. США своим внешним долгом (одни долги – Лондонскому клубу кредиторов – реструктурированы, другие – Парижскому клубу – почти полностью уплачены, причем досрочно) и т.д. Правда, на фоне резкого уменьшения внешнего государственного долга не менее резко возросли заимствования за рубежом нашего частного бизнеса – займы компаний и др., причем некоторые из них были сделаны под государственные гарантии, так что общий (государственный и негосударственный) внешний долг России опять около 200 млрд. долл. США.

Таблица 2. Возрастная структура оборудования в России, %

Годы Оборудование	1970	1980	1990	1995	1998	1999	2000
Все оборудование	100	100	100	100	100	100	100
Из него возраст, лет							
менее 5	40.8	35.5	29.4	10.1	4.1	4.1	4.7
6–10	30.0	28.7	28.3	29.8	20.1	15.2	10.6
11–15	14.0	15.6	16.5	21.9	25.3	25.7	25.5
16–20	6.9	9.5	10.8	15.0	18.9	20.1	21.0
более 20	8.3	10.7	15.0	23.2	31.6	34.8	38.2
Средний возраст, лет	8.42	9.47	10.8	14.25	17.0	17.89	18.7

Тем не менее сейчас финансовое положение России достаточно устойчивое, что отразилось в подъеме мировыми рейтинговыми агентствами Fitch и S&P ее долгосрочного кредитного рейтинга с BBB до BBB+ (Известия, 2006, с. 7). Вместе с тем реальные финансовые проблемы у российской власти существуют и сегодня, и немалые. Стыдно признаться, но они у Министерства финансов России связаны не с тем, что денег у государства мало, а с тем, что денег много и что российская валюта не слабеет, а укрепляется ... И все эти “беды” в основном из-за того, что цены на мировом рынке на экспортную продукцию нашей страны (в основном на нефть, газ и другие природные ресурсы) все последние годы (уже в XXI в.) почти непрерывно росли и в июле 2006 г. достигли “заоблачных высот” в 78.4 долл. за баррель нефти марки “Brent”, причем снижаться, конечно, будут, но вряд ли к “старому доброму нормальному уровню”. Казалось бы, нашему правительству, в том числе и Министерству финансов РФ, надо было бы только радоваться, что страна богатеет, но ... у нас и страна, и власть, и экономика особенные. Ведь как ее – нашу бедную экономику – только не обзывают видные наши экономисты и политики: и “виртуальная экономика” (А. Потемкин), и “периферийная экономика” (Г. Явлинский), и “ультралиберальная, анархофеодальная экономика” (Р. Гринберг), и “суверенная экономика” по аналогии с модной сегодня характеристикой “суверенная демократия” (В. Сурков). Можно называть нашу экономику и более деликатно – “экономика загадок” или “экономика загадок, мифов и контрастов” и будет это тоже недалеко от истины.

Действительно, загадок в нашей экономике много и, как в сказке, “чем дальше, тем ...” и возникли они практически сразу с начала осуществления в России в 1992 г. (под руководством экономически высокообразованного и свободолюбивого нашего правительства) комплекса радикальных демократических реформ в стране, ее движения к его (правительства) капиталистическому идеалу.

Рассмотрим сначала (естественно, не претендуя на системную структуризацию и тем более на полноту) несколько вопросов-загадок первого, основного периода “крестового похода к капитализму” – до 2000 г., краткое представление о макроэкономических результатах осуществления которого выше было дано по данным Госкомстата РФ.

1. Почему в мирное время Россия оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе? Ведь, как сказал известный российский бизнесмен, дипломат и государственный деятель, “хотели как лучше”.

2. В чем главная причина возникновения в 1990-е годы в России этого глубокого кризиса? Вопрос не в том, кто виноват (этот вопрос в научном, да и практическом плане не так интересен), а в чем причина?

3. Почему, когда в 1992 г. правительство России впервые в послевоенном периоде, да и за всю историю нашей страны, сформировали отягощенные научными званиями и достаточно молодые экономисты, многие из которых были докторами или кандидатами именно экономических наук, к тому же пришедшие из столичных (Москва, Санкт-Петербург) весьма авторитетных НИИ и вузов, то именно это правительство на реактивной скорости “пустило по миру” и страну, и ее население?

4. Почему явно осуществлявшаяся в социальной и экономической сферах нашей страны демократизация процессов привела не к росту уровня жизни населения и эффективности производства, а к прямо противоположным результатам, причем в довольно резкой форме?

5. Почему особенно сильное, многократное падение произошло в уровне инвестиций в реальное производство? Почему при беспрецедентных темпах и огромных объемах проведенной приватизации, при передаче государственного имущества конкретным собственникам, казалось бы, в хозяйские руки, инновации в большинстве отраслей практически не осуществлялись, нормальный процесс замены и обновления оборудования не имел места и оно катастрофически устаревало (табл. 2)?

6. Были ли (хотя бы потенциально) эффективны для России принятые правительством в 1992 г. стратегия и тактика проведения реформ?

Указанный список вопросов по первому периоду можно существенно дополнить, но не менее интересны и загадки второго периода, когда “почти все неожиданно перевернулось”, т.е. экономика стала расти, в государственном бюджете появилось много финансовых возможностей, государственный долг резко сократился и т.д. А средний класс – опора рыночной экономики в развитых странах – у нас по существу так и не появился, число бедных в стране, хотя и несколько снижается, но (при таком беспрецедентном обогащении государства) недопустимо медленными темпами, так же как и улучшается ситуация с состоянием производства, обновлением его оборудования. Проблемы усугубляются тем, что ведущие экономические ведомства страны (ЦБ, Минфин, Минэкономразвития РФ) проводят государственную экономическую политику, вызывающую и во втором периоде, вплоть до сегодняшнего дня, как минимум следующие вопросы-загадки.

7. Почему огромные финансовые ресурсы, аккумулированные в золотовалютных резервах страны, стабилизационном фонде и т.д., по существу не используются для ликвидации кризисной ситуации в стране, подъема реального производства, повышения реальных доходов малоимущих и т.д.?

8. Почему в стране принята в финансовой сфере довольно странная совокупность мер (плоская шкала налогообложения, освобождение от налога на наследство независимо от его уровня, фактическая блокада законодательства, ориентированного на конфискацию имущества, полученного в период массовой приватизации преступным образом и др.)?

9. Почему в стране довольно интенсивно продолжается приватизация государственной собственности, причем нередко не убыточных, а весьма эффективно работающих предприятий? И почему даже те (Г. Явлинский, многие депутаты Государственной думы и др.), кто признает, что приватизация в 1990-е годы была грабительской и криминальной, так настойчиво предлагают провести амнистию для ее главных и неглавных “героев”, отказаться от конфискации у них, в том числе несправедливо нажитого, имущества?

10. Почему фактически не учтен печальный опыт 1992 г. глобального снижения конкурентоспособности российского производства из-за внезапного “внешнеэкономического раскрытия” нашей экономики, снятия фактически без необходимой подготовки протекционистских защитных барьеров и мы опять с упорством, достойным удивления, стремимся “наступить на те же грабли”?

Ответы на эти и многие другие, не поставленные в данной статье, вопросы-загадки есть у каждого экономиста (например, их можно встретить в работах Е. Гайдара, Р. Гринберга, Д. Львова, Ю. Овсиенко, Н. Петракова, В. Полтеровича, Е. Ясина и многих-многих других), есть они и у чиновников государственных экономических ведомств (Г. Грефа, А. Кудрина, А. Чубайса и др.), но, как правило, эти ответы у всех разные и нередко представляются системно несовместными и логически недостаточно убедительными. Поэтому ниже предлагается еще одно объяснение, которое, по мнению автора статьи, позволяет иначе, более аргументированно, понятно и непротиворечиво ответить на поставленные выше вопросы, хотя, конечно же, не претендует на исчерпывающие объяснения.

Прежде всего, полезно отреагировать на нередко звучащее возражение о необоснованности алармистских настроений о том, что в стране все более или менее нормально, кризиса нет, а есть трудности роста прогрессивного реформирования общества и экономики, которое эффективно осуществлялось в течение 15 лет и сейчас продолжается, причем все или почти все делается так, как это нужно. Споры нет, есть и позитивные достигнутые в ходе реформ серьезные результаты: в первую очередь сюда надо отнести ликвидацию существовавшего ранее всеобщего дефицита даже первоочередных потребительских и производственных благ и определенную, действительно проведенную демократизацию некоторых сторон жизни – возможность, например, относительно свободно, если, конечно, есть деньги, без благословения полицейского (райкомовского) начальства выехать в туристическую поездку за рубеж – ближний или даже дальний. Можно наскрести и еще некоторые приятные новации. Однако это не снимает очень серьезных фундаментальных негативных последствий принятой политики реформирования экономики России, ча-

стично отмеченных выше, и необходимости вразумительных корректных ответов на многие вопросы, в том числе и поставленные.

Если внимательно посмотреть статьи даже бывших и ныне действующих министров экономики и финансов России, то в каждой (в прямой или завуалированной форме) можно найти признание – страна переживает глубокий социально-экономический кризис. Иногда, правда, эта не очень оптимистичная констатация дополняется (например, достаточно регулярно у нашего министра финансов) более веселым мотивом: все, мол, идет не так плохо и по некоторым важным индикаторам (ВВП, доходы населения) в 2007 г. мы таки выйдем на уровень 1990-го. Невольно встает интересный вопрос (ведь на него до сих пор лидеры наших социально-экономических реформ не дали честного и убедительного ответа) – а почему мы оказались в состоянии такого глубокого кризиса и почему прошло уже 15 лет нашего радикального реформистского похода к рыночному счастью и виден только свет, причем скорее не в конце ... в начале туннеля? Правда, сейчас нередко вместо канувших в Лету ссылок на классиков марксизма-ленинизма апеллируют к иному священному писанию и вспоминают хождение Моисея по пустыне и еще что-то. Я даже встречал такую забавную логику рассуждений: у нас, мол, ситуация от тех времен, конечно, отличается, но не сильно, а по сути нам тоже надо лет сорок было походить, пореформировать, чтобы это поколение – поколение вороватых чиновников, вплоть до министров, и не только, – ушло, а прошло всего лишь 15 лет, значит, осталось еще 25...

Простая арифметика показывает, что аргументация типа “причина в том, что за эти 15 лет чиновники, олигархи большие и маленькие и т.д. страну просто разворовали” может и отвечает на вопрос (гораздо менее интересный) “кто виноват”, но не объясняет главное “в чем причина наших бед”. Действительно, элементарный расчет показывает, что потери только ВВП в России за пятнадцатилетний период радикального реформенного кризиса составляют как минимум несколько триллионов долларов США, а украдено и вывезено за рубеж порядка 350–500 млрд. долл. США¹. Даже если удвоить или утроить эту цифру, то все равно близко к действительному объему российских потерь не придем. Значит, главная причина – иная. Тогда может быть дело в том, что была неправильно выбрана сама стратегия – “переход к рынку”, а надо было реализовать другую стратегию (например, “усиление системы централизованного планирования и повышение ее эффективности на базе современных информационных технологий”? Имеющиеся исследования показывают, что это не так; *стратегия* была выбрана правильно и тем не менее *главной причиной кризиса все же является допущенная именно теоретическая ошибка – при правильной стратегии перехода к современному рынку способ перехода к нему, т.е. тактика*² реформирования экономики была выбрана, пожалуй, самая неудачная из возможных. Это тем более обидно, что возможности эффективного реформирования, реализации принятой правильной стратегии были и остаются очень немалые: если судить по потенциалу (природному, интеллектуальному, а сегодня и даже финансовому), Россия – одна из богатейших стран мира, выгодно отличающаяся от других степенью своей ресурсной обеспеченности (табл. 3 (Хакимов, 1999)).

Давайте проясним, что имеется в виду, когда говорится о реализованной неправильной тактике реформирования нашей экономики? Речь идет об известном “джентльменском наборе мероприятий Вашингтонского консенсуса” (прежде всего, шоковая терапия, т.е. разовая либерализация цен на товары и ресурсы, глобальная приватизация государственной собственности, финансовая стабилизация и др.). Именно этот набор МВФ и другие курировавшие нашу радикальную реформу международные организации, в значительной степени руководствуясь положениями принятой у них либеральной теоретической концепции монетаристского толка, рекомендовали всем трансформировавшим экономику бывшим социалистическим странам Восточной Европы и Советского Союза практически независимо от их специфики. Справедливая критика процесса и результатов осуществления их рекомендаций, в том числе и в России, приведена, например, в книге Дж. Стиглица, одна из глав которой так и называется “Кто потерял Россию?” (Stiglitz, 2002, ch. 5, p. 133–165). Не случайно в этой главе автор указывает, что “Россия получила совсем не то, что обещали ей сторонники рыночной экономики или на что она надеялась”.

¹ Такого порядка цифры неоднократно приводились в печати различными авторами. В некоторых работах правого толка (Е. Ясин и др.), правда, встречаются и меньшие цифры, например 180 млрд. долл.

² Конечно, можно по-разному понимать категории “*стратегия*” и “*тактика*” и утверждать, что неудачной была именно стратегия, а не тактика, но дело не в дефинициях, а в том, что конечная цель реформ в достаточно общем виде – переход к рынку – была определена корректно (и эту цель естественно считать стратегической), а вот конкретные способы и механизмы достижения этой цели (естественно их назвать тактикой перехода к рынку) были избраны для российских условий неэффективными.

Таблица 3. Ресурсная обеспеченность России. Сравнительные данные

Показатели	США	Страны Западной Европы, Канада и Япония	Россия	Страны третьего мира	Итого
Территория, %	7	10	13	70	100
Ресурсы нефти и газа, пресных вод и лесов, %	6	10	25	59	100
Население, %	5	15	3	77	100
Потребление природных ресурсов, %	40	40	5	15	100
Душевое потребление ресурсов, усл. т/год	8	2.7	1.7	0.2	1.0
Кратность потребления по отношению к третьему миру, раз	40	14	8	1.0	5
Обеспеченность собственными ресурсами, усл. лет	3	5	100	80	20

Реализация подобных правил и рекомендаций типа “Вашингтонского консенсуса” лишний раз подтвердила в усиленной форме правоту когда-то популярных в России классиков: “нет ничего практичней хорошей теории”, но, пожалуй, наш опыт позволяет продолжить мысль: “нет ничего и более катастрофичного для экономической практики, чем использование неадекватной теории”. Не случайно следующее разумному курсу Дэн Сяо Пина китайское правительство рыночные преобразования осуществляло эволюционным путем – без шоковой терапии и других радикально-либеральных глупостей – и в итоге все 1990-е годы их экономика развивалась рекордными темпами, их ВВП не упал почти вдвое, как у нас, а вырос более чем в два раза за десять лет, ежегодные же иностранные инвестиции в совсем недемократический Китай были на порядок больше, чем в демократическую Россию и т.д.

Китайский, да и российский опыт реформирования заставляет нас более внимательно относиться к реальной ситуации в стране, проверке целесообразности реализации тех или иных конкретных мероприятий, в том числе и очень популярных сейчас институциональных преобразований – мало того, что они числятся в ранге рыночных и демократических, успешно используемых десятилетиями или даже веками в других странах. У нас они порой весьма своеобразно реализуются и выглядят. Например, что может быть демократичнее, чем принятый во всем цивилизованном мире и недавно введенный в России институт присяжных заседателей, который у нас уже неоднократно оправдывал явных убийц, вина которых следствием была убедительно доказана. Разве не радуют глаз истинных наших демократов показанные по телевидению снимки, как после суда оправданные отмечали в ресторане вместе с адвокатами, возможно, и присяжными и т.д. harpu end во славу введенного судебного институционального новшества. Еще более удивительна ситуация в экономике России, которая не выбралась из кризиса еще и сегодня, даже после почти пяти лет удивительно благоприятной для России внешнеэкономической ситуации (речь идет в первую очередь о непрерывном рекордном росте на мировом рынке цен на основные продукты российского экспорта), ВВП не достиг еще дореформенного уровня при таких ценах на нефть и, главное, проблема бедности основной массы населения остается ключевой, о чем и указывается во всех президентских посланиях последних лет, причем кардинальный прогресс в ее решении в обозримом периоде плохо просматривается.

Конечно, не все так мрачно! Есть и значимые результаты иного порядка – так, журнал “Forbs” насчитал среди россиян-бизнесменов сначала 30, а недавно и 44 долларовых миллиардеров (в том числе и одна женщина – жена нашего столичного мэра, согласно официальной предвыборной декларации обладающего личной собственностью на уровне далеко не самого обеспеченного младшего научного сотрудника РАН). Хотя вторым по миллиардерам местом в мире мы вполне могли бы гордиться, если бы в эту “бочку меда” не вливалась бы большая “ложка дегтя” в виде не одного десятка миллионов россиян, имеющих доходы ниже нищенского российского прожиточного минимума. Довольно часто в 1990-е годы от наших ведущих реформаторов приходилось слышать такие аргументы: “Конечно, у нас много бедных, так что вы хотите, ведь страна же бедная”. Песни несколько изменились, когда цены на энергоносители вышли на заоблачные высоты, золотовалютные резервы страны прочно заняли место в первой мировой пятерке, устремился к двум триллионам рублей стабилизационный фонд и т.д. Теперь (после отзвучавшей в прошлые годы в устах высокопоставленных чиновников экономических служб страны пластинки об удвоении в этом десятилетии ВВП России) модной темой снова стала и включена в Програм-

му правительства РФ бессмертная идея бессмертной первой команды реформаторов о необходимости перманентного дореформирования и доприватизирования всего и вся в экономике (хотя после прошлогоднего светопрествления в Москве и близлежащих областях известное всему народу имя все теперь поминается лишь в связи с реформами в РАО ЕЭС). На первом же месте в правительственных сводках можно видеть такие проблемы, как вступление в ВТО (куда со временем на нормальных, например китайских, условиях вступить, конечно, будет надо, но торопиться это делать, уступая “пядь за пядью”, явно неразумно), продолжение ставшей уже “притчей во языцех” программы приватизации (на этот раз речь идет о ФГУП, науке и всем остальном, что еще не успели продать за бесценок отечественным олигархическим группам и иностранным бизнес-благотетелям), наконец, о целом комплексе мер (также главным образом институционального характера, хотя лежащими не только в экономической, но и юридической и других сферах), который направлен как будто бы на нормализацию отношений “бизнес–власть”. К числу этих мер относятся и введенный трехлетний срок давности, после которого амнистируются финансовые преступления бизнеса (естественно, в основном крупного) периода массовой приватизации 1990-х годов, и предстоящее сокращение уже заметно сниженной налоговой нагрузки на бизнес и сверхбогатых россиян (по-видимому, налоги в России и так самые низкие среди промышленно развитых стран – где еще в мире миллиардеры и супермиллионеры платят лишь 13%-ный налог на доходы физических лиц, освобождены от налога на наследство и т.д.), и многое другое. Особенно надо подчеркнуть, что наши экономические службы (Минэкономразвития, Минфин), следуя принятому еще правительством Е. Гайдара российскому варианту либерально-монетаристской теоретической концепции реформирования экономики, основные усилия направляют на борьбу с главной видимой ими опасностью – инфляцией, в результате чего появляются у них (Минэкономразвития РФ, Минфина РФ, Банка России и др.) такие несколько странноватые для любой нормальной экономики (рыночной и нерыночной) проблемы, как якобы чрезмерный рост золотовалютных резервов и стабилизационного фонда, препятствующее конкурентоспособности отечественного производства укрепление национальной валюты и др. В конечном итоге принимаемые меры (отказ от использования накопленных государством средств от инвестирования в российскую экономику, форсированного повышения в необходимых размерах оплаты труда бюджетников и, как следствие, остального населения, в том числе за счет снижения коррупции, поддержание огромного профицита бюджета и др.) приводят к реализации весьма любопытного, хотя и не очень оригинального и совершенно неэффективного для страны финансового цикла (добыча и продажа за рубеж наших природных богатств, покупка за полученные доллары американских малоодоходных ценных бумаг), результатом которого является развитие не российской, а американской экономики и другие подобного же рода последствия. Между тем представляются первоочередными другие проблемы – не скоростное вступление в ВТО и даже не удвоение ВВП и борьба с инфляцией, а такие проблемы, как:

– *значительное повышение реального уровня жизни основной массы населения* (включая пенсионеров, инвалидов и бездомных детей) путем повышения оплаты труда, пенсий, пособий и т.д. темпами, существенно превышающими уровень инфляции;

– *подъем реального производства*, которому реформами 1990-х годов был нанесен столь мощный удар, что нормальная амортизационная, воспроизводственная и инновационная политики были радикально нарушены и до сих пор не восстановлены (фактически во всех отраслях даже сегодня, после почти пяти лет более разумной инвестиционной политики, но все равно явно недостаточных по масштабу вложений, износ основных фондов далеко превышает допустимые размеры, являясь причиной неизбежных тяжелых техногенных аварий);

– *обеспечение благосостояния будущих поколений россиян* – изменение на инновационной основе структуры производства, постепенный переход с существующего, напоминающего латиноамериканский, в основном природоэксплуатирующего характера производства на прогрессивный диверсифицированный стиль производства, принятый в крупных промышленно развитых странах.

Можно ли надеяться, что за счет скопированных с Запада или наших доморощенных институциональных мер и преобразований (например, создания нового совета при президенте, каких-то других структурных изменений типа проведения административной реформы, того, что вместо десяти заместителей министров будут 2–4 или чего-нибудь еще подобного) наша экономика может принципиально измениться, и мы из ямы выберемся? По-видимому, такие надежды совершенно напрасны. Главное не то, какие институциональные преобразования наметят, а то, как они реально будут проводиться и как будут работать. Пока же реформы, как правило, приводят к резкому росту числа чиновников и коррупции в стране (недавно известное международное рей-

тинговое агентство Internationale Transparance (ИТ) “повысило рейтинг” России, переведя нас по уровню коррупции с 87-го среди 133 (2003 г.) на 128-е место среди 162 (2006 г.) стран мира).

На самом деле корень проблемы – в целевых установках и фактических способах их реализации. Или у нас появится власть, которая думает о стране (под властью имеется в виду не один человек, хотя один порою тоже очень важен, а под страной понимается, прежде всего, население, причем все, а не только избранные единицы). Кстати, очень интересно в этом плане как-то высказался наш Президент. Иногда это высказывание интерпретируют так: мол, к развалу Советского Союза разные люди (в том числе и чиновники), относятся по-разному: те, кто об этом не жалеют, у них нет сердца, а те, кто об этом жалеют (мечтают о его восстановлении) – у них нет головы. Неизвестно, что хуже: безголовый или бессердечный чиновник, однако в обоих этих случаях (а с ними населению России регулярно приходится сталкиваться) вряд ли радикально помогут заимствованные на Западе институциональные реформы, проведенные к тому же с российским колоритом.

Большинство россиян не очень радуется тому, что наша страна живет в основном за счет природоэксплуатирующего комплекса (хотя, конечно, нетрудно найти среди “избранных” и радующихся), но уж если продавать миллионами тонн наши нефть, газ и т.д., то все же лучше продавать их по высоким ценам, а не по низким, конечно, имея в виду, что затем полученные доходы будут умно использованы, а не так, как сегодня. И в связи с этим трудно всерьез принять упомянутые выше две боли нашего Министерства финансов: то, что у нас очень вырос золотовалютный резерв и сильно укрепляется рубль. Нет, чисто технически нетрудно объяснить, какие проблемы при этом могут быть с экспортом, с инфляцией и т.д. Но их не будет, если осуществлять реформы системно, не по западному мейнстриму и не по эволюционно-институциональной теории в российском исполнении, а если разумно провести, только я бы сказал не реформирование, а, наверное, лучше было бы применять термин реформацию, типа Лютеровской. Ведь она была, прежде всего, основана на борьбе с бессовестностью господствующей католической религии в свое время – на закате средних веков (торговля индульгенциями и т.д.). Подобная реформация подразумевает следующие мероприятия.

1. *Надо увеличить бюджет*, а для этого необходимо не снижать налоги, а увеличивать налоги, но, конечно, сделать систему нелинейной. Не предлагается, естественно, вместо 13% со всех брать 35%. Конечно, нет. Речь идет о том, чтобы сделать ставку налогообложения зависящей от того, с чего она берется, и за счет очень богатых россиян и чрезмерно и незаслуженно прибыльного бизнеса увеличить бюджетные возможности. А тех, у кого реальные доходы ниже прожиточного минимума, при этом вообще освободить от подоходного налога.

2. *Надо адекватно повысить оплату труда*, и для этого есть все возможности, потому что разговоры о том, что наш нефтяной, газовый и прочий бизнес почти не имеет прибыли, никем всерьез не воспринимаются. Ведь если посмотреть российский состав списка Форбса, где люди за несколько лет стали миллиардерами, там больше половины из “плачущих от высокого налогообложения” бизнесменов природоэксплуатирующего сектора и ассоциированных с ними лиц из сферы бизнеса – банкиров и т.п. (чиновников в этот список не включают по определению). Это значит, что реальные прибыли у этих компаний весьма и весьма высокие, но только они проходят мимо бюджета. То есть на самом деле налоги, уровни налогообложения в разных странах существенно выше, чем в России. Речь идет не только о налогах на физических лиц. А, скажем, сколько с барреля нефти идет на инвестиции? Ну, в Брунее около 94%. У нас, как ни считай, где-то в районе 45–48%, т.е. примерно в 2 раза меньше.

Иногда пугают, что вместе эти два предложения – это реализация известного большевистского принципа “*отнять и поделить*”. В какой-то степени – да! Но сказав “а” надо сказать и “б”. Сказать, что этот принцип сначала “блестяще” реализовали в 1990-е годы, когда отняли у 140 с лишним миллионов россиян сбережения и собственность и поделили между максимум 140 тысячами (большее число долларовых миллионеров в России никто не называет). И какое из этих “*отнять и поделить*” более справедливо с точки зрения любой морали – хоть капиталистической, хоть социалистической, хоть нагорной проповеди – вопрос не такой уж дискуссионный и неразрешимый. Конечно, способ реализации второго этапа принципа “*отнять и поделить*” должен быть не криминально-революционным, как в 1990-е годы, а рыночно-демократическим, например, путем изъятия через рационально построенную налоговую систему, незаслуженно присваиваемую нефтегазовым (и не только) бизнесом природную ренту, юридически принадлежащую государству и, по справедливости, всему населению.

Таким образом, на самом деле речь сейчас идет не о том, что мы немножко отстали в развитии или использовании каких-то модных рыночных или квазирыночных теорий, институтов, а речь

идет о другом. Что касается взаимоотношений государства и бизнеса, то тут, кажется, у нас реализована такая система, которую логично назвать “слабое государство”. Это государство, которое в своей политике ориентировано на очень узкий круг очень богатых людей. Только не надо выдвигать обвинений, что сторонники изменения такой политики, в том числе и введения нелейной шкалы налогообложения, просто не любят богатых людей. Неправда! При прочих равных условиях, чем больше богатых людей, тем лучше. Но если это богатство создается, как в 1990-е годы в России, то такого богатства, думается, лучше не надо... Под сильным государством, естественно, следует понимать такое, политика которого ориентирована на интересы основной массы населения, причем при разумном усилении государства разумные интересы законопослушного бизнеса также в необходимой мере могут быть учтены и обеспечены.

Выше уже отмечалось, что в последние годы отношение 10%-ных децилей фактически зашкалило, достигло такого уровня, который социально опасен для страны. И одна из главных причин именно в том, что мы имеем “слабое государство”, которое непрерывно снижает налоги, которое делает их шкалу плоской относительно минимального уровня, которое, возможно, с самыми лучшими побуждениями смягчает наказание коррупционерам вплоть до полной амнистии и отказа от конфискации имущества, освобождает миллиардеров и супермиллионеров от налога на наследство и т.д. Аргументация этих действий не выглядит убедительной. Так непонятно, если пытались проявить заботу о бедных, уменьшить, как это было озвучено, налоги на маленькие домики на шестисотковых садовых участках, то кто мешал освободить от налога на наследство состояния и имущество стоимостью до полумиллиона, миллиона или пусть даже до пяти миллионов долларов, а свыше этого, как делается во всем развитом мире, брать приличный налог? Для этого же не надо каких-то особых мер и особой сообразительности, тем более, что такие предложения были.

Короче говоря, у нас чиновниками всех ветвей власти сознательно реализуется концепция “слабого государства”, что вполне по мейнстриму. Но если для мейнстрима имеется в виду нормальная обстановка, где благосостояние бизнеса и основной массы населения достаточно коррелированы, то мы живем в кризисной обстановке. И здесь мейнстрим и околomeйнстримовские рекомендации будут приводить к очень негативным переходным процессам. Кстати, об этом неоднократно предупреждали многие выдающиеся, в том числе и западные, экономисты, например лауреаты премии имени А. Нобеля В. Леонтьев, Д. Тобин, Д. Стиглиц, К. Эрроу и др.

И не только экономисты, специалисты разных специальностей знают, что в стационарных и нестационарных режимах системы чувствуют и ведут себя иначе. Например, энергетики знают, что если имеется в виду сложная реальная модель электрической системы, где будут и конденсаторы, и индуктивности, и другие всякие элементы, то там могут быть неприятности, например сильные резонансные и субрезонансные колебания, когда же убрать из модели или индуктивности, или конденсаторы, то никаких таких колебаний не будет. Наши экономисты тоже порою берут некоторые исходные посылы, которые правильны для хорошей стационарной экономики, и, базировавшись на них, действуют так, как будто бы у нас те же самые условия. То есть снижают налоги, ослабляют роль государства и т.д. И думают, что все это правильно, так как кажется, что различие между нами лишь в нашем отставании на пути к рынку, а его надо ликвидировать побыстрее и для этого нужно поступать так же, как они. Наиболее откровенно об этом говорил экс-советник Президента А. Ларионов, который все время твердил, что у нас слишком много государства в экономике, что чем больше доля государственной собственности, тем хуже, что частное всегда эффективнее государственного и т.д. То же самое, по сути, считают и Г. Греф, и А. Кудрин, и многие другие, которые стоят во главе проводимой в стране экономической политики. Да, для стационарной экономики эти слова часто, хотя тоже не всегда, правильные, только при чем тут Россия на данном этапе? Для России эта линия губительна.

Почему на этом акцентируется внимание? Потому что сейчас объявлена новая программа приватизации. Грядет приватизация таких лакомых кусков, как морские порты, госпакет компании Аэрофлот и т.д. А ведь многие видные экономисты, в том числе даже из первой волны либералов-реформаторов, по этому поводу неоднократно предупреждали, что предстоит более масштабная и не менее ущербная для России приватизация, чем была, и продажа государственной собственности будет по цене в 50–70 раз дешевле действительной рыночной стоимости.

Конечно, возникает вопрос: а может быть, все делается правильно? Может быть, наши государственные менеджеры от экономики поступают правильно, хотя они руководствуются не совсем той теорией, не теми гипотезами, а иногда даже вспоминают ссылку на известную догму М. Фридмана (имеется в виду автор “Монетаризма”), что для хорошей теории не имеет существенного значения на сколько реалистично взяты исходные предположения. Может быть, но

как быть с имеющимся у нас печальным опытом проведения такого реформирования, в том числе проведения институциональных преобразований 1990-х годов, да и современных тоже. Оценка этих событий практически не вызывает дискуссий, а вот выводы на тему “что же делать теперь?” часто противоположны. В частности, это относится и к оценке прошлой и будущей приватизации. Что она была грабительской, почти никто, кроме непосредственных ее участников, с этим не спорит, а вот дальше наши либералы правого толка (и не только они) говорят, что все это надо простить и забыть и либо сразу амнистировать все эти нарушения закона, либо резко сократить сроки ответственности. Но ведь “и ежу понятно”, что если вора поймали за руку и не наказали, то он будет воровать снова. А это значит, если первую приватизацию провели таким способом и виновные ничем не поплатились за свои незаконные действия, то они будут участвовать и во второй приватизации и действия их будут аналогичными. А, подчеркнем еще раз, предстоящая вторая приватизация будет не менее масштабной, чем первая – предполагается приватизировать тысячи ГУПов, а это крупные лакомые кусочки.

Что же, по гамбургскому счету, лежит в основе проводимой экономической политики снижения налогов, продолжения глобальной приватизации, в том числе и эффективно работающей госсобственности (естественно, по резко заниженным, фактически бросовым ценам), амнистии финансовых преступлений 1990-х годов (естественно, провоцирующей бизнес на аналогичные новые) и т.д.? Представляется, что главное определяется тем, какие цели ставит правительство и в зависимости от этого должны предприниматься те или иные действия (или, другими словами, будет “много” или “мало” государства в экономике, будет ли государство “сильным” или “слабым”). Конечно, термины “сильное”, “слабое” надо понимать не в политическом, а в экономическом плане. Разговор идет не о том, насколько в России должны быть мощными правоохранительные органы, насколько энергично надо бороться с коррупцией или, что более подходит для страны и ее населения, – авторитаризм или демократия, строго централизованное или децентрализованное общество, монархия, президентская или парламентская республика и т.д., а о некоторых аспектах поведения государства, его влияния (если хотите, вмешательства или невмешательства) на экономику – такую, какая она есть сегодня и, возможно, будет завтра. Поэтому надо уточнить принятые выше следующие определения.

Под *сильным государством в экономике* будем понимать такое государство, которое заметно присутствует в экономике, посредством государственных институтов управляет ею, считает приоритетными (причем не на словах, а на деле, т.е. *de facto*), интересы всего законопослушного населения страны, а не только бизнеса (в первую очередь, крупного) и его директоров и соответственно строит свою деятельность, ориентируя ее на повышение благосостояния основной массы населения и безопасности его жизнедеятельности, на снижение бедности, безработицы, коррупции и криминала и т.д. Тем самым предполагается, что интересы государства и общества могут быть достаточно согласованы. Потенциально такая возможность была и есть, хотя и не реализована³.

Слабое государство в экономике считает приоритетными (*de facto*) интересы крупного бизнеса, т.е. основные усилия направляет на снижение налогов (прежде всего корпоративных и личных с крупных состояний и доходов), приватизацию государственных благ и собственности по бросовым ценам, обеспечение практически беспрепятственного и бесконтрольного доступа к природным ресурсам при необоснованно низкой цене их использования и др.

Выше уже отмечалось, что *государственная экономическая политика* все годы радикального реформирования вплоть до сегодняшнего дня опирается на своеобразный *суперлиберальный вариант монетаристской экономической теории*, в основе которого, как нетрудно видеть, лежат следующие весьма сомнительные для переходной экономики России положения:

– саморегулируемость рыночной системы, т.е. рынок, если ему не мешать, сам все наилучшим образом отрегулирует; поэтому, чем меньше государство вмешивается в экономику, тем лучше; чем меньше доля государственной собственности, тем лучше;

– целесообразность глобального разгосударствления и приватизации государственной собственности, так как приватизированные предприятия, как правило, более эффективны, чем аналогичные государственные; поэтому все, что возможно, т.е. все предприятия, в том числе весьма эффективно работающие, которые не противопоказано вывести из государственной собствен-

³ В определенной степени на это нацелены предложенные Президентом РФ Национальные проекты и Программы, если выделяемые по ним ресурсы будут использованы действительно по назначению. Кроме того, в этом случае представляется необходимым значительно увеличить их бюджеты.

ности по социальным, оборонным и тому подобным соображениям безопасности, надо приватизировать или акционировать;

– направленность эффективной государственной экономической политики и действий органов управления экономикой не на проблемы реального сектора, а на кредитно-денежную составляющую – создание и наращивание стабилизационного фонда, погашение внешнего государственного долга, борьбу с инфляцией, рост и использование золотовалютного резерва лишь для решения внешнеэкономических проблем и т.д.;

– полезность фритрейдерского стремления как можно скорее “открыть” экономику страны, вписаться в мировое сообщество, присоединиться к его институтам;

– необходимость для построения в России рыночной экономики всемерного использования у нас тех же рыночных законов, институтов, технологий и т.д., которые прижились и оказались эффективными на “Западе”.

Конечно, именно в такой форме никто из наших властных либералов программу реформ не формулировал, никто из них не выступал с открытым забралом под девизом “*что хорошо для General Motors, то хорошо и для России*”. Однако, по существу, проведенное в 1990-е годы в России радикальное реформирование экономики (и упомянутые выше результаты его – глубокий социально-экономический кризис, сырьевая ориентация экономики и особенно экспорта, значительное падение производства и особенно резкое реальных инвестиций, массовое обнищание населения при суперобогатении небольшой группы из оказавшихся у власти реформаторов и близких к ним представителей бизнес-структур), да и многие принимаемые сегодня решения, высказывания официальных представителей экономической власти (действующих и бывших руководителей экономических ведомств, советников Президента РФ по экономике и др.) вполне соответствуют приведенным выше постулатам.

Сомнение в их правильности усиливаются при более детальном изучении реального положения дел: во-первых, имеются фактические данные о нередко достаточно высокой эффективности государственных предприятий (например, “Роснефть”, успешно развивающаяся и капитализация которой составляет не один десяток миллиардов долларов США), многих ГУПов, не говоря о том, что полученные в них прибыли (частично, по-видимому, сразу или потом разворованные, но лишь частично) основной своей массой поступают в госбюджет. Во-вторых, прибыль частных компаний (не факт, что большая после успешно осуществляемой ими законными и незаконными способами “оптимизации” налоговых поступлений) в результате акционирования ГУПов в основном достанется небольшому числу, как правило, уже достаточно богатых людей, фактических владельцев предприятий, а количество бедных россиян вряд ли заметно уменьшится. И, вероятнее всего, эта прибыль не будет вложена в развитие производства, даже если ее не вывезут за рубеж. Столь же неубедительны либеральные призывы к сокращению участия государства потому, что его якобы “слишком много” в российской экономике и его расходы чрезмерны. Сравнение фактических данных о государственных расходах России и других промышленно-развитых стран (которые на самом деле не так уж малы (табл. 4)) не подтверждает тезис об относительной избыточности госрасходов в России.

Представляется странным (так как речь идет об очень серьезных вещах), что в основе реализованной у нас в течение 15 последних лет экономической концепции лежат довольно распространенные мифы, в свое время достаточно подробно проанализированные в ряде работ, в том числе и автором данной статьи (Лившиц, 2002а, с. 10–31; 2002б, с. 69–77): об эффективном саморегулировании рынка, о народнохозяйственной целесообразности глобальной приватизации госимущества, о необходимости всемерного сокращения госрасходов и т.д. Не следует этого и из изучения зарубежного опыта, особенно с учетом недоказанности правомерности его безоговорочной применимости у нас.

Конечно, последний из указанных в табл. 4 1998 г. – год дефолта для России – не типичный и, тем более, не очень благополучный, поэтому эталоном российской ситуации он служить не может. Но можно взять и вполне благоприятную дату, например 2005 г. (по нему еще в прошлом году был опубликован проект федерального профицитного бюджета, непринципиально измененный в дальнейшем). Согласно этому проекту (Российская газета, 2004, № 179 (3556), 21 августа) ВВП России оценивается в сумме 18.72 трлн. руб., а расходы федерального бюджета – 3.047 трлн. руб., соответственно их отношение к ВВП составляет 16.28%, что явно ниже уровней расходов других стран и явно недостаточно для России, вряд ли их хватит даже на самые первоочередные потребности. Что же касается доходов и расходов по консолидированному бюджету России, то их (табл. 5) вряд ли есть основания считать завышенными, особенно если вспомнить, что и зарубежные страны (США, Германия и др.) из самого глубокого кризиса – великой депрес-

Таблица 4. Доля государственных расходов в ВВП, %

Государство	1960*	1971**	1975**	1980**	1985**	1990**	1998*
Швеция	31.1	45.3	48.9	61.6	64.7	60.1	58.5
Франция	34.6						54.3
Бельгия	30.3	38.0	44.5	50.7	53.7	50.4	49.4
Италия	30.1	36.6	43.2	41.7	50.8	51.7	49.1
Германия	32.4						46.9
Норвегия	29.9						46.9
Англия	32.2	38.1	46.4	44.7	46.1	40.9	40.2
Япония	17.5						36.9
США	27	31.6	34.7	33.7	36.7	36.1	32.8

Источники: * (Бизнес и банки, 2003); ** (Burda, Wyplosz, 1994, p. 565).

Таблица 5. Доходы и расходы консолидированного бюджета России

Показатели	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
ВВП, млрд. руб.	2629.6	4823.2	7305.6	9039.4	10863.4	13243	16752
Доходы консолидированного бюджета, млрд. руб.	686.8	1213.6	2097.7	2683.7	3519.2	4138.7	5429.9
Расходы консолидированного бюджета, млрд. руб.	842.1	1258.0	1960.1	2419.4	3422.3	3964.9	4669.7
Доля доходов бюджета в ВВП, %	26.1	25.16	28.71	29.7	32.4	31.2	32.4
Доля расходов бюджета в ВВП, %	32.0	26.1	26.8	26.8	31.5	29.9	27.9

Источник: (РСЕ, 2003).

сии 1930-х годов – тоже выходили не путем “свободного плавания по рыночным волнам”, а с помощью сильного государственного регулирования экономики, и в значительной мере по кейнсианским рецептам стимулирования спроса при резком увеличении государственных расходов.

Сегодня иногда слышится, что государственная экономическая политика последние три года радикально изменилась, что государство экономически стало сильным, стало наступать на бизнес, вместо приватизации акцент стало делать на национализацию, стало интенсивно заботиться о наименее обеспеченных и т.д., приводятся примеры типа “дело ЮКОСа”, выделения средств на национальные проекты и др. Такая логика рассуждений кажется правдоподобной, но, по нашему мнению, более естественно предположить, что реальные цели и реальные методы государственной экономической политики, по существу, не изменились, а отдельные события (в том числе связанные с существовавшим и в 1990-е годы переделом собственности и др., определенным, хотя и явно недостаточным при существующих финансовых возможностях бюджета, повышением уровня жизни населения) имеют место, но не более того. Поэтому требуются достаточно радикальные изменения, особенно в отраслях, сегодня имеющих высокую рентабельность, например в природоэксплуатирующем, прежде всего нефтегазовом секторе.

Многokратно указывали многие экономисты (например, В. Волконский, А. Кузовкин, Д. Львов, В. Пугачев и др.), что российское государство и опосредовано его население имеют слишком малую отдачу в виде природной ренты и налогов от принадлежащих ему по Конституции природных ресурсов, так как система природопользования в значительной степени ориентирована на пользователя (нередко иностранного инвестора), а не на собственника (в данном случае формально – население России) и сильно занижает при заключении договоров с недропользователями учитываемую в финансовых расчетах ценность изымаемых и, следовательно, истощаемых природных ресурсов. Для более правильной оценки могут быть использованы различные известные и новые возможные методы улучшения этой оценки. В Приложении приводится одно из таких предложений.

Так что же нужно сделать для эффективного решения указанных выше основных задач, как исправить существующую ситуацию, пойти по пути возможно более быстрого выхода из кризиса? Как ни странно, напрашивается простой ответ – а не лучше ли избрать обратную к проводи-

мой политику – не монетаристского, а скорее квази (нео, пост или еще как-то назвать ее) кейнсианского толка⁴, ориентированную в реальных условиях кризисной переходной и нестационарной российской экономики на сильное, а не слабое государство. Тогда, может быть, последующие поколения россиян не будут иметь основания задавать невеселые вопросы и уезжать из страны.

Представляется, что такая политика может исходить из следующего.

1. Главная целевая установка государственной экономической политики – не такие странные цели, как сделать реформы необратимыми, вступить в ВТО, удвоить ВВП к 2010 г. и др. (это, в лучшем случае, лишь средства достижения действительно полезных для страны целей), а повышение реальных доходов основной массы россиян, уровня их жизни, уменьшение масштабов нищеты и бедности населения, повышение его безопасности, снижение безработицы, изменение структуры реального производства и т.д.

2. Находящаяся в глубоком кризисе переходная российская квазирыночная экономика, в отличие от относительно благополучных рыночных экономик промышленно развитых стран, глобальным саморегулированием не обладает.

3. Уровень и эффективность воздействия российского государства на экономику страны явно недостаточны, поэтому надо не ослаблять, а усиливать до рациональных размеров участие государства в экономике.

4. Основной упор следует делать не на кредитно-денежные игры борьбы с инфляцией или максимальное увеличение фактически вложенных в американскую (и не только) экономику денежных фондов (золоторезервного, стабилизационного), а на подъем реального производства в России, осуществление (в том числе и при государственной поддержке) эффективных инвестиционных (особенно инновационных) проектов, причем эффективность в первую очередь имеет в виду не коммерческая (хотя она тоже), а общественная, народнохозяйственная.

5. Государство должно стать активным участником экономической, в том числе инвестиционной хозяйственной деятельности, прежде всего в сфере производственной и социальной инфраструктуры, инновационной деятельности. Для того чтобы иметь для этого в бюджете необходимые финансовые ресурсы, нужно провести согласованный комплекс серьезных нестандартных мероприятий, включающий в том числе:

а) не снижение, а рациональное (в том числе дифференцированное по ряду признаков) повышение уровня налоговой нагрузки на бизнес и население с использованием не постоянной, а разумно возрастающей по уровню дохода ставки налогообложения на прибыль предприятий и доходы физических лиц;

б) резкое (в разы) повышение доходов основной массы населения и прежде всего реальной заработной платы наемных работников с целью стимулирования потребительского спроса и обеспечения существенного роста реальных личных доходов, даже при повышенных ставках налогообложения;

в) значительное увеличение рентных платежей в бюджет за счет предприятий природоэксплуатирующего характера деятельности, прежде всего нефтегазового комплекса, и направление соответствующего прироста бюджетных доходов на социальные и инновационные цели;

г) повышение эффективности использования государственных пакетов акций, а не скоропалительная их продажа за бесценок; подобного рода фактически бесплатная приватизация обществу ничего не даст;

д) реализацию ряда мер для повышения эффективности производства, в том числе за счет оптимизации (а не монотонного повышения), тарифов на услуги отраслей естественных монополий путем изменения принципа их формирования – не по уровню средних, а по предельным затратам. Для того чтобы при пониженных тарифах обеспечить возможность эффективного функционирования в рыночной системе таких предприятий, работающих в естественно-монопольных сегментах рынка, необходимо предусмотреть соответствующие государственные дотации, которые можно будет брать из увеличенного при низких тарифах бюджета за счет роста объемов продукции, прибылей и налогов предприятий базовых отраслей материального производства и сферы услуг, возросших налоговых ставок и поступлений от других источников государственных доходов.

⁴ Более подробно экономические аспекты целесообразности повышения активности государства изложены в работах по экономической социодинамике (Гринберг и Рубинштейн, 2000; Гринберг, 2003), а также в (Лившиц, 2004).

6. Аналогично должны решаться и проблемы ликвидации существенного отставания развития объектов российской производственной инфраструктуры (автомобильных и железных дорог, электросвязи и т.д.), нередко при пониженных тарифах непосредственно коммерчески малоэффективных, но очень нужных для обеспечения высокой системной социально-экономической эффективности производства в стране и жизнедеятельности ее населения.

7. Для того чтобы при сниженных тарифах на газ, железнодорожные перевозки, электроэнергию и при повышенных налоговых ставках росли налоговые поступления, необходимо не на словах, а на деле проводить сильную государственную, в том числе антикризисную, антимонопольную и антикриминальную политику.

8. Необходимо реально (а не на уровне пиара) вести борьбу с государственной коррупцией, ликвидировать бандитские группировки (хорошо известные правоохранительным органам страны и фактически контролирующие не только малый бизнес), отслеживать коррумпированных чиновников всех уровней, “своеобразно” выполняющих свои обязанности, в том числе представителей государства в советах директоров тех корпораций, где есть значительный государственный пакет акций.

9. Следует прекратить приватизировать эффективно работающие государственные предприятия, а некоторые из них, особо криминально реформированные, вернуть в государственную собственность.

10. Указанные мероприятия взаимосвязаны, их надо осуществлять системно, а не изолированно, иначе эффект может быть прямо противоположным. Очень важно при этом значительное внимание уделять анализу возможных альтернатив, отбору наиболее выгодных решений (естественно, на основе соответствующих экономико-математических моделей и методов, прогрессивных информационных технологий).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОЦЕНКА “СПРАВЕДЛИВОЙ” СТОИМОСТИ ИСТОЩАЕМЫХ ЗАПАСОВ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Опишем один из возможных методов такой оценки. Для краткости изложения основной идеи введем упрощающие допущения: рассмотрение будем проводить в рамках детерминированной модели, анализировать только коммерческие аспекты отношений государства и недропользователя (последний отождествляется с частным инвестором), не будем делать различий между понятиями “рента” и “рентная составляющая” и т.д. Хотя сама используемая ниже идея моделирования оценки весьма проста и близкие по смыслу предложения на вербальном уровне, вполне возможно, уже неоднократно вносились⁵, рассмотрим ее в следующем виде: инвестор, получивший по установленной процедуре право добывать и продавать извлекаемое полезное ископаемое, должен иметь возможность компенсировать из выручки свои обоснованные затраты вместе с оговоренной в договоре доходностью (рентабельностью затрат). Остальной доход представляет собой справедливую оценку с позиций инвестора стоимости добываемых истощаемых запасов и должен быть отдан собственнику, т.е. государству. Конечно, выраженная таким образом идея не учитывает ряда необходимых корректировок (например, когда объективно по независящим от инвестора причинам затраты вырастут и окажутся за пределами учетного в договоре риска и др.). Для упрощения изложения эти корректировки также не будут учитываться.

Если смотреть на договор между государством и недропользователем (негосударственным инвестором) как на рыночный “серый ящик”, то на входе в него находится рыночная величина затрат, произведенных инвестором и Россией, а на выходе – получаемые каждым участником доходы (естественно, все они исчисляются за расчетный период, с учетом динамики по годам, дисконтирования и т.д.). При этом, чтобы все это имело “экономически моральное право” на реализацию, необходимо, чтобы:

1) каждому участнику это было выгодно (по его представлению о выгоде);

2) размеры выгод были “справедливыми” или, по крайней мере, казались таковыми участникам (т.е. все участники были добровольно согласны участвовать на зафиксированных в договоре условиях и априори не настаивают на их изменении).

⁵ Близкие положения для определения цен на электроэнергию излагал в письме ко мне в частной переписке Л.С. Беляев в 2005 г.

Поскольку все непосредственные затраты инвестора полностью покрываются компенсационными и другими выплатами из выручки от продажи добытого полезного ископаемого, то договор будет эффективен для него, если (в первом приближении) обеспеченная доходность на произведенные затраты будет не меньше, чем это возможно при наиболее разумном альтернативном поведении инвестора (естественно, при том же, что в договоре, уровне риска и других существенных условиях). Причем степень “разумности” определяет сам инвестор, так же как и динамику указанной доходности, ставку дисконта и т.д. То есть для инвестора должно выполняться условие:

$$NPV^{inv} = \sum_t Z(t) \prod_{m=1}^{m=t} (1 + e_m)^{-1} \geq 0, \quad (1)$$

причем

$$Z(t) = p(t)Q(t) - c(t)Q(t)(1 + r(t)) - S(t). \quad (2)$$

Введенные обозначения имеют следующий содержательный смысл: $Z(t)$ – чистая (т.е. после уплаты налогов) экономическая (с учетом в затратах инвестора упущенной выгоды) ожидаемая (т.е. с учетом риска и неопределенности) прибыль инвестора в году t по рассматриваемому сценарию; NPV^{inv} – ожидаемый чистый дисконтированный доход (чистая современная стоимость) инвестора за расчетный период T лет; t – текущее время; m – номер года; $p(t)$ – дефлированная цена за единицу полезной продукции (баррель нефти, 1000 м³ газа и др.) на рынке в году t ; $Q(t)$ – объем продаж продукции на рынке в году t в согласованных с ценой единицах измерения; $p(t)Q(t)$ – выраженная в дефлированных ценах суммарная выручка от продажи (реальной или потенциальной) добытых в году t энергоресурсов; $c(t)$ – полная себестоимость производства продукции (дефлированные удельные приведенные затраты), включая затраты по доставке и реализации в году t ; $c(t)Q(t)$ – выраженная в дефлированных ценах суммарная величина затрат инвестора в году t ; $r(t)$ – требуемая инвестором доходность в году t ; e_m – определяемая интересами инвестора принимаемая им безрисковая ставка дисконтирования в году m ; $S(t)$ – суммарные доходы государства (выплаты ему из выручки) в году t (также в дефлированных ценах).

Тот факт, что инвестор согласен “играть в договор”, по существу означает, что условие (1) имеет место. Нетрудно также видеть, что определяемая (1) величина NPV^{inv} при ее положительности – это сверхдоход инвестора или, что то же самое, перераспределение в его пользу от государства части полезного эффекта, причем не в последнюю очередь это происходит в рассматриваемом случае за счет недооценки стоимости используемых истощаемых запасов.

Для анализа и ответа на поставленные выше вопросы удобно все выплаты государству в году t представить в виде двух слагаемых, в целом соответствующих указанным ранее частям:

$$S(t) = S_1(t) + S_2(t), \quad (3)$$

где $S_1(t)$ – фактически оплачиваемая стоимость изымаемых в году t объемов $Q(t)$; $S_2(t)$ – непосредственно не связанная с исчерпанием запасов, а определяемая российским законодательством в зависимости от других показателей (прибыль и др.) рыночная стоимость для инвестора приобретения в рассматриваемых условиях к российскому “бренду” – по существу, это оплата эффекта от низких налогов, использования созданной ранее инфраструктуры и т.д.

Тогда с точки зрения инвестора и фактически оплачиваемая им стоимость извлекаемых запасов приближенно равна:

$$S_1^\Sigma \approx \sum_t S_1(t) \prod_{m=1}^{m=t} (1 + e_m)^{-1} = \sum_t (S(t) - S_2(t)) \prod_{m=1}^{m=t} (1 + e_m)^{-1}. \quad (4)$$

“Справедливая” (т.е. обеспечивающая инвестору требуемую им при заключении договора доходность) рыночная оценка стоимости изымаемых запасов может быть найдена из условия:

$$NPV_c^{inv} = 0. \quad (5)$$

Из (5) следует, что при этом получаемые Россией суммарные платежи от прежнего уровня S_{ct}^Σ увеличатся до нового уровня

$$S_H^\Sigma = S_{ct}^\Sigma + NPV^{inv}. \quad (6)$$

Если для упрощения предположить, что величина $S_2(t)$ формируется только за счет налога инвестора на прибыль, то при переходе к $NPV_c^{inv} = 0$ прибыль инвестора и налог на нее соответственно уменьшатся и при сохранении параметров налоговой системы новая “справедливая” стоимость запасов будет с позиций инвестора примерно равна:

$$S_{1н}^{\Sigma} = S_n^{\Sigma} - S_{2н}^{\Sigma} = S_{ст}^{\Sigma} + NPV^{inv} - (S_{2ст}^{\Sigma} - yNPV^{inv}) = S_{1ст}^{\Sigma} + NPV^{inv}(1 + y), \quad (7)$$

где y – ставка налога на прибыль. Представляется, что полученное значение $S_{1ст}^{\Sigma}$ вполне может быть отнесено к затратам государства, подлежащим компенсационным выплатам в пользу государства. Кроме того, сравнение $S_{ст}^{\Sigma}$ с полученным инвестором размером чистой прибыли позволяет получить эмоциональные оценки “справедливости” условий разделения результатов между инвестором и государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бизнес и банки (2003): // *Бизнес и банки*. № 9 (643). Март.

Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2000): Экономическая социодинамика. М.: ИСЭ ПРЕСС.

Гринберг Р.С. (2003): Рациональное поведение государства. М.: ИСЭ ПРЕСС.

Известия (2006): // *Известия*. № 162. 5 сентября.

Коммерсант (2006): // *Коммерсант “Деньги”*. № 30.

Лившиц В.Н. (2002а): Вглядываясь в недалекое прошлое и оглядываясь в будущее // *Вестник ГУУ*. № 1(3).

Лившиц В.Н. (2002б): Иллюзии, мифы и миражи российской экономической действительности и их преподавание. XXV юбилейная школа-семинар имени акад. С.С. Шаталина, г. Королев. Т. 3. ЦЭМИ РАН.

Лившиц В.Н. (2004): Какое государство нужно нашей экономике: “сильное” или “слабое”? // *Экономическая наука современной России*. № 4.

Римашевская Н.М. (2005): О проблеме преодоления бедности и неравенства // *Экономическая наука современной России*. № 3 (30).

РСЕ (2003): Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России.

Хакимов Б. (1999): Добывать и продавать можно и нужно с выгодой для всех россиян // *Интерфакс. Время*. № 43 (225). Октябрь.

Шевяков А.Ю. (2005): Социальная политика и распределительные отношения // *Экономическая наука современной России*. № 3 (30).

Burda M., Wyplosz P. (1994): *Makroökonomik*. Munchen, Wien: R. Oldenbourg Verlag.

Stiglitz J.E. (2002): *Globalization and Its Discontents*. N.-Y., London: W.W. Norton & Company.

Поступила в редакцию
06.09.2006 г.

Enigmas of the Today's Russian Economy and its Government Regulation Policy

V. N. Livschits

The author studies the role of the state as a regulator of the transitional Russian economy. Introduces the notions of the politics of a “strong” and “weak” state, that have different goals: the politics of a “strong” state is directed to satisfy the interests of the most part of the population, as for a “weak” one – the interests of a small elite group. It is emphasized that in the period of radical changes, particularly in 1990-s, there was a policy of a “weak” state.

Analyses the reasons for such a policy and the measures, necessary to turn to the economy of a “strong” state.